

Глава 3. Больше воспоминаний.

...То, что произошло после моего падения, я с трудом смог вспомнить позднее.

Когда я открыл глаза, то лежал на временно сооружённых носилках. Несколько бойцов несли меня через густой лес, а командир отделения, Кирьянова, шла рядом с носилками, тайком вытирая слёзы.

– Кирьянова, — тихим, ослабленным голосом позвал я её. Она тут же наклонилась и сжала мою правую руку, спросив:

– Рита, как ты себя чувствуешь?

– Я не могу умереть. Если я умру, то кто будет заботиться о моей маме и сыне, маленьком Алёшке? – Эти слова вырвались сами собой, хотя я совсем не собирался их говорить. Похоже, тело Риты пока что живёт своей собственной жизнью и не всегда слушается меня.

Кирьянова кивала, торопливо вытирая слёзы, и утешала меня:

– Лида, не говори так. Ты не умрёшь, слышишь? Мы скоро будем на базе, потерпи ещё немного.

***

На рассвете лес был полон пения птиц, а тонкий туман мягко стелился между деревьями. Увидев сына Алёшку, моё сердце переполнялось радостью.

Шагая по влажной от росы тропе, я вдруг заметила, что мои сапоги промокли. Это напомнило мне, как грязь на подошвах однажды выдала мои следы. Остановившись, я сняла сапоги и закинула их на плечо.

Я продолжила идти босиком, тихо шлёпая по земле. Сапоги, висящие на спине, покачивались в такт шагам. Мне надо было поторопиться: я уже слишком задержалась в пути, и если вернусь поздно, это заметит прапорщик Васков. Тогда неприятностей не избежать.

В этот момент я услышала шорох. Кто-то осторожно раздвигал ветки, пробираясь сквозь лес.

– Это патруль?! – Сердце заколотилось. У меня не было при себе документов. Если патруль меня поймает, они наверняка доставят меня к прапорщику. А уж он точно отправит меня на

гауптвахту.

Но тут я услышала чужую речь. Невнятные обрывки фраз, перемежавшиеся смехом...

«Что они говорят? Почему я ничего не понимаю?» – подумала я, пока внезапное осознание не обожгло меня холодом. Это были немцы. Они говорили по-немецки.

Я метнулась в кусты, задержала дыхание и прижалась к земле, следя за дорогой сквозь редкие ветки.

Первым появился высокий мужчина в маскировочном плаще. Он держал в правой руке небольшой продолговатый свёрток, крепко перевязанный ремнями, а на груди у него висел немецкий автомат. Он огляделся, и через мгновение из леса вышел ещё один человек в таком же обмундировании, только ниже ростом, с похожим свёртком в руках.

Я невольно пошевелилась, и ветка задрожала, сбросив на меня капли росы.

Незнакомцы насторожились и начали оглядываться. Я боялась шевельнуться. Сняв с головы пилотку, я прижала её ко рту, чтобы не издать ни звука. Только глаза оставались открытыми, напряжённо следя за этими двумя.

Да, это были немцы. Они переговаривались шёпотом и осторожно приближались к моему укрытию.

В первый момент страх охватил меня полностью. Я поняла, что осталась одна, и в ужасе подумала, что они вот-вот меня найдут. Это был конец. Я уже представляла, как никогда больше не увижу своих товарищей, свою маму, своего Алёшку. Через несколько минут меня больше не будет. Всё исчезнет.

Но, к счастью, двое солдат пробормотали что-то друг другу, и пошли дальше.

Я не двигалась, пока они не скрылись из виду. Только пение птиц вновь заполнило лес, никаких других звуков больше не было слышно.

Выбравшись из кустов, я рванула к ручью. Не обращая внимания на острые ветки и глубину воды, я бежала, пока не добралась до 171-го узла связи, где доложила Васкову и Кирьяновой о том, что в лесу видела немцев.

Вскоре была собрана небольшая группа для их поимки. Её возглавил прапорщик Васков. В составе отряда были я, Галька, Лиза, владеющая немецким языком Соня и наш снайпер Женя.

Мы полагали, что шестеро против двоих немцев - лёгкая задача. По пути все были довольно

расслаблены. Женя постоянно подшучивала над Васковым, который на каждом шагу твердил: «Согласно уставу...» А Лиза, тайно влюблённая в прапорщика, неустанно защищала его.

Под руководством Васкова мы пересекли болота и устроили засаду в месте, где немцы должны были пройти. Всё было подготовлено по правилам устава. Мы рассчитывали изловить хотя бы одного из них.

Но когда я через бинокль увидела немцев, выходящих из леса, их оказалось не двое, а шестнадцать. Я застыла, поражённая этим открытием.

Против шестнадцати вооружённых до зубов немецких солдат наши силы – один мужчина и пять девушек – выглядели абсолютно несостоятельными. У врага было шестнадцать мощных автоматов, а у нас только одна пистолет-пулемёт и пять винтовок. Мы проигрывали и по численности, и по оснащению. О ликвидации врага не могло быть и речи, вопрос стоял хотя бы о том, чтобы выжить.

Прапорщик отправил Лизу назад за подкреплением, велел привести основную группу. Остальные пятеро должны были сделать всё возможное, чтобы задержать немцев здесь.

Мы выполнили всё, что могли: враг был задержан на сутки. Но подкрепления так и не дождалась, а столкновение с немцами стало неизбежным. В бою погибли Галька и Соня.

Прапорщик вместе со мной и Женей занял новую позицию на дороге, по которой немцы должны были пройти. Когда они вошли в радиус поражения, Васков закричал:

– Огонь!

Он первым открыл стрельбу, сбив передового немецкого солдата. Я короткими очередями уложила четверых. Женя, оставаясь за кустами, хладнокровно сняла немца, который готовился бросить гранату. Граната упала и взорвалась, ранив ещё одного солдата рядом с ним.

Заметив, что Васков не может поднять голову из-за плотного огня, я, забыв о страхе, выбралась из укрытия за камнем и открыла шквальный огонь по врагу, надеясь облегчить его положение.

Именно в этот момент граната, прилетевшая словно ниоткуда, взорвалась неподалёку от меня. Я ощутила резкую боль в животе и почувствовала, как по коже растекается что-то влажное. Автомат выскользнул из моих рук, а я, держась за живот, осела обратно у камня.

Увидев, что я ранена, Васков и Женя, пригибаясь, кинулись ко мне. Я, сквозь стиснутые зубы, прижимая руки к ране, попыталась натянуть на лицо слабую улыбку.

– Чем ранило? – спросил Васков, с беспокойством глядя на меня.

– Граната, – едва выговорила я.

Васков попытался отнять мои руки, чтобы осмотреть рану, но я, сдерживая боль, засмузилась:

– Там нечего смотреть...

Его это нисколько не остановило. Громко скомандовав Жене:

– Неси бинты! – он уже стягивал мой китель, принимая у Жени перевязочные материалы и ловко бинтуя рану.

Тем временем немецкий огонь становился всё плотнее: пули били в камень, рядом с которым мы укрывались. Было ясно, что враг обнаружил нашу позицию. Женя, чтобы отвлечь огонь, бросилась в сторону. Через секунду её автомат застрочил, прикрывая нас.

***

Боль в животе была обжигающей, пронзающей до самой души – слишком реальной, слишком явной. Я открыл глаза. Всё, что только что происходило, оказалось сном.

Я попытался слегка пошевелиться, но почувствовал, что каждая клеточка моего тела словно разбита вдребезги. Не выдержав, я тихо застонал.

– Рита! Рита! Рита! – знакомые голоса звали меня. Открыв глаза, я увидел, что снова нахожусь на базе, в 171-м узле связи. Девушки, с которыми мы проводили каждый день, стояли вокруг моих носилок.

Сквозь полубессознательное состояние я слышал обрывки их разговоров. Кто-то резал мою одежду, чтобы добраться до раны. Затем я вновь потерял сознание.

Когда я очнулся, раны на животе и голове уже были перевязаны.

Снаружи раздался голос майора:

– Машина из города уже прибыла. Быстрее, отнесите Риту и прапорщика в машину, их нужно отправить в госпиталь в тылу.

***